

Владимир Малягин

В ТИШИНЕ

Драма в двух действиях

Действуют

- Алексей, 29 лет
- Наташа, 27 лет
- Федор, 22 года
- Вера, 19 лет
- Иван, 17 лет
- Фомка, 35 лет
- Сергей, 30 лет
- Хозяин, 40 лет.

Большой город, наши дни.

Действие первое

1

Квартира в старом доме с высокими потолками. Просторный холл, две открытые двери в комнаты, диван у стены. Из кухни выходят Хозяин с ключами в руках и Алексей.

Хозяин. Значит, холодильником можешь пользоваться.

Алексей. Спасибо, Николай Львович.

Хозяин. Кстати, все забываю, как тебя зовут.

Алексей. Алексей.

Хозяин. Ну да. Я ведь поначалу молодому сдавать не хотел, но потом гляжу: парень вроде спокойный. Ты спокойный.

Алексей. Надеюсь, по крайней мере.

Хозяин. И, надеюсь, борделя ты мне здесь не устроишь.

Алексей. Не устрою.

Хозяин. Мебель кое-какую я тебе оставил.

Алексей. Спасибо.

Хозяин. Нет уж, сначала посмотри!

Алексей заглядывает в двери.

Итак, шкаф, четыре стула, стол, две тумбочки, две кровати... Запоминай, чтобы потом не было лишних вопросов – я не люблю...

Алексей. Да, я все запомнил.

Хозяин. Теперь так. Я ведь понимаю, что квартиру на одного не снимают, правильно? Да нет, ты не подумай, я не ханжа, не жлоб какой... Без женщин жить нельзя на свете. Я говорю, ты води кого хочешь и сколько хочешь, хоть групповуху здесь устраивайте – но! Ты понял, что «но»?

Алексей. Не совсем.

Хозяин. Как хозяин квартиры я хочу, чтобы все было тихо. Соседи у меня разные, и если пойдут доносы...

Алексей. Доносы не пойдут.

Хозяин. Ты уверен?

Алексей. Вполне.

Хозяин. Интересно, откуда такая уверенность?

Алексей. Да ведь я-то знаю, что собираюсь делать, а чего не собираюсь.

Хозяин. Любопытно, и что же ты собираешься делать?.

Алексей. Не собираюсь я здесь борделя устраивать, Значит шума

не будет, и соседям жаловаться не на что.

Хозяин. Ну, поверим пока, поверим... С виду-то ты тихий. Даже слишком тихий для своих лет. Слушай, а ты не колешься, случаем?

Алексей. Николай Львович...

Хозяин. Ладно, ладно, это я так. Да... Ну и теперь о гласном. Как видишь, я сдаю две большие комнаты, холл...

Алексей. Да, спасибо...

Хозяин. Да погоди ты! Понимаешь, тут такие обстоятельства... В общем, я сейчас машину жду – получить должен вот-вот... Ну ты сам знаешь, расходы, то-се... Короче говоря, я решил окончательно, моя цена – сто

пятьдесят.

Пауза.

Алексей. Но мы же договорились на сто двадцать...

Хозяин. Ну да, а я про что! Я стал с людьми советоваться, а мне все говорят, «Ты сдурел – такую хату за такую цену!» Но ты гляди, конечно, если не подходит – я других найду.

Алексей. Тогда что ж... Тогда, конечно. Ищите других. Только задаток мне сейчас верните.

Пауза.

Хозяин. Ты, наверное, думаешь, свободные квартиры на тротуаре валяются?

Алексей. Нет, не думаю я так. Но слово-то надо держать.

Хозяин. А я смотрю, ты крутой и деловой, а? Ты кем работаешь вообще-то?

Алексей. Санитаром.

Хозяин. Кем-кем?

Алексей. Санитаром.

Хозяин. Вот это да... Честно говоря, никогда живого санитаря не видел. Но, надеюсь, хоть не в вендиспансере?

Алексей. Нет. В хирургии.

Хозяин. О... Выносишь, что отрежут?

Алексей. Да, и другая работа бывает.

Хозяин. Ну а зарплата?

Алексей. Сто рублей.

Хозяин. И плюс?

Алексей. Больше ничего.

Хозяин. А, так, наверное, лекарства? Обезболивающее?

Алексей. Нет, лекарств и больным не хватает.

Пауза.

Хозяин. Так... в месяц сто... И ты с такой зарплатой собираешься снять хату за сто пятьдесят?

Алексей. За сто двадцать.

Хозяин. Какая разница! Ты что, дружище, дурачить меня вздумал? Да с такой зарплатой тебе на вокзале место, в зале ожидания!

Алексей. Но если я даю слово...

Хозяин. Брось! Слово... Можно подумать, оно что-то стоит!.. Жил у моего приятеля один такой деятель, тоже давал слово... Живет, а платить нечем. Приятель нанял боевиков, те его отметили разок, а потом еще водки влили в рот и в вытрезвитель сдали. Так он потом и заплатил, и из города сбежал, и вещей половину бросил...

Алексей. Я свое слово держу.

Хозяин. Ладно, хвати, друг Алеша!
Я-то думал, у нас мужской
разговор, а это так, детский треп...

Звонок в дверь.

Это еще кто? (Подходит к двери,
открывает, застывает удивленный.)
О-о!.. Проходите, девушка, прошу
вас! Я надеюсь, вы не ошиблись
квартирой? Я надеюсь, вы шли
именно сюда?

Вера (входя). Кажется, не
ошиблась. Здравствуйте.
Здравствуй, Алеша!

Алексей. Здравствуй.

Хозяин. Так-так-так... Меня зовут Николай Львович. А вас?

Вера. Меня – Вера.

Хозяин. Мне очень, очень приятно с вами познакомиться! Поверьте, я говорю искренне! Я уже давно не говорил так искренне, поверьте!

Вера. Я вам верю.

Хозяин. Очевидно, вы – молодая хозяйка? О, не отвечайте, если вас это затрудняет! Я ведь все понимаю, да. Все, так сказать, сложности вашего положения... Показать вам квартиру?

Алексей. Погодите, Николай Львович..

Хозяин. Нет уж, теперь ты погоди! А я с твоей молодой хозяйкой...

Алексей. Но мы с вами в цене не сошлись.

Хозяин. В цене? Какие мелочи!
Потом обговорим!

Алексей. Сто пятьдесят я платить не могу.

Хозяин. Разумеется! Ты и сто двадцать не можешь, при зарплате в сто! На вашем месте, Верочка, я бы заставил его найти серьезную работу! Сейчас денег не делает только ленивый, честное слово!

Алексей. Так Я не пойму, вы на сто двадцать согласны или нет?

Хозяин. Ох, Алеша, как ты грубо ставишь вопрос... Можно даже сказать, некорректно... Вера, я прошу запомнить: исключительно ради вас я соглашаюсь на эту, прямо скажем, ничтожную сумму.

На эту смехотворную сумму! Ведь вы запомните, Верочка?

Вера. Знаете, Николай Львович, как все-таки мужчина, желающий понравиться женщине, становится похож на кота... Мягкие жесты, масляные глаза.. И такой получается вид... Неадекватный. Вы меня, извините, ладно?

Пауза.

Хозяин. Ну хорошо, Алексей, будем считать, что мы договорились. Я буду заходить за деньгами в двадцатых числах.

Алексей. Я сам буду вам привозить.

Хозяин. Ладно, это мы уточним.

(Вере.) А вы - злая?

Вера. Я просто устала. Такие все дни тяжелые.

Хозяин. А, ну что ж, тогда конечно... Так я желаю вам... До встречи...

Вера. До свидания.

Хозяин. Да, ключи же... (Отдает ключи Вере, Алексею.) Алексей, вторую пару закажешь сам.
(Уходит.)

Алексей (делает жест рукой). Ну вот, видишь, такое приобретение.

Вера. Я посмотрю, можно?
(Проходит по комнатам.)

Алексей. Еще он нам холодильник ставил.

Вера. Просторно, конечно... И потолки высокие... Только зябкая какая-то. Ты чувствуешь?

Алексей. Души в ней нет, конечно. Он здесь давно не живет. Въехал – и с женой разошелся.

Вера. Может, и хорошо, что не живет. Своего не успел оставить... А Ваня дежурит сегодня?

Алексей. Его смена после моей. А Федор приедет?

Вера. Он, наверное, завтра только. А Наташа где?

Алексей. За городом, у тетки. Может, еще сегодня успеет.

Вера. Когда уже все-то соберемся?

Алексей. Соберемся. Скоро соберемся.

Вера. Как-то у нас получится, а?

Алексей. Не знаю.

Вера. А я думала, ты все знаешь. Ты ведь самый старший.

Я думаю, если будет мир... Покой...

И любовь, правда. Ведь любовь главное!

Алексей. Ну, любовь... Это слово непростое, боюсь я его.

Вера. Но ты же понимаешь, о какой я любви!

Алексей. Ну да, и я о такой же... Потому и боюсь. Я думаю, будем просто жить. Ведь это не так мало, а?

Вера. Ладно уж, уговорил... Будем жить.

Там же, спустя день-два. Квартира имеет почти обжитой вид. Слышны голоса наводящих порядок людей.

Иван (выходя из правой двери).
Алеша! Девушкам обе кровати оставляем?

Алексей. Конечно. Мы и на полу, не маленькие...

Наташа (выходя слева). А здесь давайте устроим гостиную. Будем собираться по вечерам.

Алексей. Да, я так и думал...

Федор (выходя из кухни). Ребята, ну кухня здесь... Предлагаю устроить спортзал!

Наташа. На кухне чай будем пить, как нормальные люди.

Федор. Кстати, у нормальных людей для этого столовая бывает.

Наташа. Ну, значит, как ненормальные.

Федор. А мы и есть ненормальные. Нет, в самом лучшем смысле, конечно! Ну что ты так смотришь, Наташа? Я глупый?

Наташа. Нет, не глупый. Глупенький.

Алексей. Ты умный, Умненький.

Федор. Вот она мудрость зрелости. Или зрелость мудрости? Ладно,

когда я буду старик вроде вас, я тоже буду умный!

Вера (выходя в халате из ванной).
Ой, ребята как хорошо-то? (Садится на диван.) А что это вы так глубоко задумались? О чем?

Федор. Да вот, решаем, сколько с тебя брать за каждую помывку. Полчаса одна ванную занимала! Да за это время я бы все свои носки перестирал!

Вера. Федька, ну что ты болтаешь?

Наташа. Это он волнуется, Вера.

Федор. Я волнуюсь? А, впрочем, что ж... Может быть...

Наташа. Алеша, давайте поговорим?

Алексей. Ну что же, давайте.

Иван. Я стулья принесу.

Иван и Федор приносят из комнат стулья, расставляют, все рассаживаются.

Наташа (Алексею). Ну что, начинай ты?

Алексей. Ох, не люблю я всех этих начал... Давайте по делу. Ваня,. Как у тебя сейчас дома? Уйдешь сюда – никто не потеряет?

Иван. А кому меня терять. Мать на Север уехала на два года, а бабушка... Бабушка рада, что я ухожу. У бабушки моей любовь, я ей мешаю только.

Алексей. Федя, а вас с Верой

родители не станут искать?

Федор. Не станут, нет. Учимся, живем, письма пишем. Я как раз написал, что мы с сестрой квартиру снимаем.

Вера. У нас мама нервная, но папа спокойный, он ее сдерживает, от уныния спасает...

Федор. А вас-то самих искать никто не будет?

Наташа. Нас с Алешей десять лет назад искали, а теперь уж искать некому...

Федор. Еще когда вы бродягами были?

Наташа. Ну да, только это тогда называлось по-другому. Ну что, Алеша, что ты еще всем скажешь?

Алексей. Не знаю, что говорить... У меня ведь никаких теорий нет. (Федору и Вере.) Я с Ваней уже полгода вместе работаю, было время познакомиться. (Ивану.) А Вера и Федор – наши с Наташей земляк, тоже из Челябинска, Здесь-то мы случайно на улице познакомились... Ну что еще? Все мы в этой жизни бездомные или почти бездомные. И человечески как-то похожи немного. Ну вот и собрались, и хотим, чтобы у нас был дом, правильно?

Наташа. Настоящий дом.

Алексей. Ну да, не просто крыша над головой...

Наташа. Дом, где нам будет хорошо.

Алексей. В общем, где будет покой.

Вера. И тишина!

Алексей. Ну вот, собственно, все всё уже и сказали_

Наташа. Не все, еще не все, Алеша! Мир вокруг такой страшный, подлый... И люди поодиночке задыхаются... И должна быть защита, убежище... Мы и будем защищать друг друга! Ведь так?

Алексей. Ну да. Так.

Федор. А других?

Наташа Кого других?

Федор. Да всех! Всех остальных!

Наташа. А ты можешь всем помочь?

Федор. Не все, конечно... Но хотя бы кому-нибудь! Хоть одному!

Иван. Правда?.. Федя, да ведь у меня как раз такой есть! И ты бы мог помочь ему, мог бы...

Федор. Как это, у тебя есть?

Иван. Да он у нас лежит, в отделении. Алеша, помнишь, из двенадцатого бокса? Ну такой молодой, после автокатастрофы?

Алексей. Саша, кажется?

Иван. Сережа. (Федору.)
Понимаешь, никак он не оклемается, уже третий месяц пошел. Его в реанимации простудили. Он там в постели обмочился, они его стали переодевать, белье постельное меняли, а чтобы не пахло – окно открыли... Ну, потом двустороннее воспаление... В общем, он давно уде с трубкой в легком лежит, гной постоянно отходит. И как-то он

духом пал... Можно, я ему скажу, что ты придешь?

Пауза.

Алексей. А у меня такой случай был лет семь назад. Я тогда путешествовал много, где по билету, где зайцем, и заехал как-то в Саратов. И меня там на вокзале ребят побили. Две недели без сознания был, еще месяц – на грани. Они меня по голове били-то в основном. Такая тогда мода была – ногами по голове. И вот, когда из реанимации в общую палату перевели – стал ко мне один мальчик ходить, лет шестнадцати, из соседней палаты. Приглянулся я ему, что ли... да и плох я был, конечно... Он как утром сядет возле

меня – и до вечера. И помню, так мне от этого было... тепло.

Наташа. Жалость ведь изнутри должна идти...

Алексей. Конечно, а я о чем. Этот мальчик такой и был. А потом ему сделали операцию – и он умер, даже в сознание не пришел. Опухоль была в последней стадии. И больны передавали – в бреду перед смертью меня звал. А я и встать-то не мог, сидеть только разрешали по минуте. Я все о нем вспоминал, и понял потом, что он был не просто добрый. То есть, наверное, он был и добрый, но это не главное... А главное – он уже чувствовал смерть. Вечность чувствовал, дыхание вечности. Его будто луч какой-то осветил. Он у меня таки и остался – не то прозрачным, не то светящимся.

Федор. Я не пойму, вы это все для меня говорите? Вы что, решили меня убедить таким хитрым способом? Алексей, я от тебя не ожидал!.. Разве ты меня не знаешь, не веришь?..

Наташа. Ты ведь не дослушал.

Алексей. Да, нет, собственно, остался только вывод... Наташе я уже обо всем говорил, поэтому она и знает, о чем речь. В общем, тогда я понял одну странную штуку: люди, которые настроились жить – они всегда поодиночке. Всегда каждый за себя, или в лучшем случае банда на банду. Потому что, кто настроился жить – тот должен брать. Запасаться. И это вполне логично. А вот тот, кто уже услышал смерть – тот хочет быть с другими. Но в жизни трудно смерть-то услышать. Это, знаете,

будто тихий ветер веет. Чтобы его услышать – надо и жить в тишине. Не то чтобы молчать все время, нет! Именно в тишине. Я не умею сказать до конца, а вы ведь меня понимаете?

Вера. Да, я очень, очень понимаю! Это когда вот здесь, внутри, тихо.

Алексей. А же говорю – все всё понимают. Потому мы и встретили друг друга.

Пауза.

Федор. А в тишине есть-то можно?

Вера. Федя, ну какой ты!

Федор. А какой? Я сегодня утром

один пирожок съел – и все!

Алексей. Девушки, что там у нас осталось?

Вера. Пойдем, обжора непутевый!

Они уходя на кухню.

Алексей. Ну, кажется, все сказал...

Наташа. Про любовь забыл, как всегда.

Иван. Алеша, а как же с тем Сережей-то быть? Он же, правда, совсем один! Или я не вовремя с этим вылез?

Алексей. Вовремя. Только надо подождать немного. Федор сам

должен решиться.

Там же, спустя несколько дней.
Наташа и Вера штопают белье.

Вера. На первом курсе я сразу двоим нравилась. Один супермен такой, из богатых, даже джинсы не признавал, ходил только в тройке и при галстукe. А другой – странный, то ли застенчивый, то ли недотепа. Я, конечно, поначалу с суперменом, а потом мы с ним поссорились сильно. Стала с недотепой ходить, с Игорем. Поначалу я в шутку, а потом чувствую – интересно с ним. Супермен зашевелился, пытается помириться. И вот однажды в общежитии сижу, вдруг девчонки:

«Скорей, там твои дерутся!» Ну, я поняла, что этот красавчик моего недотепу убьет! Выскакиваю прямо в халате на улицу, а там... Красавчик еще стоит, но уже без сознания как бы, а мой недотепа убивает его какими-то страшными приема - и так спокойно, размеренно! Я крикнула, он обернулся, а в глазах - зверь, холодный, страшный... И Тут я поняла, что все - ложь! Вся эта застенчивость, скромность... Все - ложь. И как стояла - так и грохнулась на асфальт, голову разбила... Потом очнулась, а у меня все глаза эти в памяти... Так о чем я? Ну да. В общем, что-то такое со мной произошло... Если раньше я о них думала, волновалась, то с того дня будто убили меня... Ты понимаешь?

Наташа. Понимаю, Вера.

Вера. Правда?

Наташа. Понимаю. У меня ведь похожее. Только... У меня-то в жизни, знаешь, все-все было. Еще когда я Алешу не встретила – я их вообще не считала. Болела дважды, меня заражали, я заражала...

Жизнь была как карнавал» все поют, все танцую и все – в масках_ А потом Алеша пришел. Я к тому времени уже плоха была, курила сильно, руки тряслись, худая стала, как скелет... Он подсел ко мне тогда и говорит: «Слушай, давай уйдем отсюда?» Я отвечаю: «Зачем?» А он мне: «Не хочется погибать». Я даже вздрогнула. У меня в то время нет-нет да и промелькнет: «Все. Я погибла. Погибла навсегда»_ И знала ведь, что некому рассказать это, никто не поймет. И вдруг этот человек... Ну мы встали с ним – и ушли. Пришли

на какую-то квартиру, где Алеша тогда ночевал, он меня на кровать положил. Я думаю: ну вот, опять все то же. Но, по крайней мере хоть человек достойный. Ладно, смирилась, решила: это плата ему за доброе отношение. А он подсел и говорит: «Слушай, если ты не против, мы могли бы жить, как сестра и брат. Я так устал, мне чего-то человеческого хочется...» Я сначала не поняла, а когда дошло до меня – чувствую, плачу. Первый человек, которому от меня ничего не нужно! И мы с ним в ту ночь решили это навсегда.

Вера. И теперь?

Наташа. Ну да. Три года уже.

Вера. Тебе никогда не хотелось?

Наташа. Понимаешь, я ведь знаю, что бывает потом... Я его потеряю –

и все... И внутри станет пусто. А я этой пустоты больше всего боюсь. Больше смерти.

Пауза.

Вера. Тебе хорошо, а вот мне некого терять.

Наташа. Некого? А брат?

Вера. Ну что брат? Он и так у меня есть.

Наташа. А если не будет?

Вера. Куда же он денется?

Наташа. Федя у тебя хрупкий.

Вера. Хрупкий? Ну ты сказала! Он у нас всегда знаешь, какой был?

Спортсмен, оптимист... Никогда никаких комплексов! И вообще, мне в нем так не хватает чуткости какой-то... Сама видела, как его уговаривать пришлось, чтобы он к этому Сереже в больницу пошел!

Наташа. Но ведь пошел же?

Вера. Потому что иначе мы о нем будем плохо думать! У него в детстве любимое занятие было – яйцами с балкона в прохожих кидать! А папа его до сих пор «носорожек» зовет...

Звонок в дверь. Наташа откладывает рукоделье, открывает. Входит Федор.

Федор. Где Алексей?

Наташа. На работе.

Федор сбрасывает пальто, проходит в комнату, выходит назад, идет на кухню, но на полпути останавливается.

Федор. Это ужасно, ужасно...

Вера. Что ты, Федя? О чем ты!

Федор. Это ужасно... Он мог меня предупредить хотя бы, мальчишка этот!

Наташа. Какой мальчишка?

Федор. Иван, Иван!.. Я захожу в палату, а на кровати – скелет, понимаете? Я сначала думал, он умер – у него глаза были закрыты.

И тут он глаза открывает и мне, :Садись. Ты ведь Федор., Я тебя давно жду». Давно ждет, ничего себе!.. Я сел, а он мне стал вещать, что у него сломано, что порвано... Ровно так говорит, тихонько... И вдруг я чувствую, что не могу больше, не могу!.. А он: «Плохо тебе! Иди, подыши на лестнице, потом снова придешь...» Потом судно из-под него надо было вытащить, потом постель ему поменять... Из спины трубка торчит и гной все время... Он даже шевелиться не может, только руки поднимает. Он не выживет, конечно. Такие не выживают.

Пауза.

К завтрашнему дню... Нет, к

послезавтра надо бы бульон ему сварить.

Наташа. Хорошо.

Федор. И ведь не помнит ничего! Что было с ним, как в машине переворачивался - ничего не представляет. Поначалу и фамилию свою забыл! А документов никаких, даже прав не нашли. И ни одного телефона не может вспомнить. Так и лежит третий месяц один.

Вера. Ну теперь-то уже не один.

Федор. То есть? Ты меня, что ли, имеешь в виду? Спасибо, но я предпочитаю решать за себя сам! У меня, знаешь ли, и так времени в обрез, я курсовую никак все не могу закончить! И вообще, никто ни за кем не обязан выносить мочу! В конце концов для этого специальные люди есть, сестры,

санитары... Да, Алексей и Иван, например! Она все за это деньги получают! Да, я знаю, медсестры после каждой смены выручку делят! Может, и мне подбросить этому парню денег, пусть расплачивается за услуги!..

Вера. Но ведь он теперь ждать тебя будет.

Молчание.

И хочешь, завтра я к нему пойду.

Федор. Ты?.. Хочешь быть примером? А что, пойдя. (Идет к двери в комнату.)

Наташа. Федя, ты хоть поешь!

Федор. Смеешься? Да у меня до сих пор этот запах мочи... Я им насквозь пропитался! (Уходит в комнату.)

Пауза.

Вера. Ты не думай, он внутри, в глубине – чуткий...

Наташа. А я и не думаю ничего. Ведь это все действительно грязно. У меня мама умирала, кроме меня ходить за ней некому было... И последнюю ночь я тоже была с ней. Я тебе когда-нибудь расскажу...

Вера. Слушай, если мне завтра идти – надо же этому Сереже бульон

приготовить.

Наташа. У нас там кусок мяса есть.
Поставь, пусть варится.

Вера уходит на кухню. Выходит
Федор.

Федор. А Иван где? Ивана почему
нет?

Наташа. Он на вечернюю службу
пошел. Завтра праздник, он сказал,
но я забыла, какой.

Федор. Иван хорошо устроился, У
него всегда есть утешение.

Наташа. И ты можешь пойти с ним.

Федор. А ты... Вы с Алексеем

почему не ходите?

Наташа. Ждем...

Федор. Чего ждете?

Наташа. Ну, ждем... Когда почувствуем, что можно...

Федор. Боитесь, что ли?

Наташа. Я... Я боюсь, а Алеша - не знаю.

Открывается входная дверь, входит Хозяин.

Хозяин. Что-то я не понял...

Наташа. Вам кого?

Хозяин. Нет, определенно, я сплю...

Наташа. Здравствуйте.

Хозяин. Простите, с кем я имею честь?

Наташа. Мы здесь живем. А вы, может быть, хозяин квартиры?

Хозяин. Может быть! Даже очень возможно. Но откуда вы здесь взялись, я не понимаю? Ведь я сдавал квартиру совсем другой паре! И звали их Алексей и Вера.

Наташа. Да, правильно, Алексей и Вера. Но они снимали для всех. Мы все вместе...

Хозяин. Опять не понимаю! Все вместе – это, простите что?

Федор. Это значит, нас здесь пятеро живет. А что вас так удивляет?

Хозяин. Я сдавал квартиру

определенным людям! И у меня здесь не гостиница, не публичный дом! (Наташе.) Я извиняюсь, конечно... Где Алексей? Где Вера?

Вера (выходя). Кто-то меня зовет? А, это вы... Здравствуйте, Николай Львович.

Хозяин. Верочка, я не совсем понимаю, я совсем не понимаю, в каких отношениях с вами эти люди?

Вера. Это мой брат, а это моя подруга.

Хозяин. Погодите... Я оставил квартиру вам с Алексеем и считал, что вы, по крайней мере, нормальная пара...

Вера. Да мы вообще не пара с ним! У нас здесь и нет никаких пар! Мы просто живем все вместе, как соседи...

Наташа. Садитесь, Николай Львович. А мы сейчас поставим чай.

Хозяин. Да? Ну спасибо... (Садится на диван, Вере.) Так, значит, если я правильно понял, у вас здесь все поодиночке?

Вера. Наоборот, все вместе.

Хозяин. И что же вы, нигде не работаете? И чем вы, кстати говоря, собираетесь мне платить?

Федор. А разве это ваша забота?

Пауза.

Хозяин. Видите ли, молодой человек, не имею чести вас знать...

Федор. Федор.

Хозяин. Так вот, не имею чести вас знать, но забота эта, в некотором роде, действительно моя. Ну хотя бы потому, что это мой дом.

Федор. В котором вы не живете.

Хозяин. И что же?

Федор. Выходит, не так уж вам этот дом и нужен. Значит, у вас и других домов много. А вот у нас – ничего нет.

Хозяин. Молодой человек, извините, но это – логика младенца! И почему, кстати, вам так уж негде жить? Ведь есть же у вас с Верой мать, отец...

Федор. Они далеко.

Хозяин. А, да-да, я понял: они в

провинции, а вам-то столицы
нужны!

Вера. Мы учимся здесь, Николай
Львович.

Хозяин. И на кого де, если не
секрет?

Вера. Федор на инженера, а я - в
архиве буду работать.

Хозяин. Вы - в архиве? Вера, что за
чушь?.. Вам, вам себя похоронить в
пыли? Похоронить свою красоту?..
Да я не верю, не верю, что вы
решились на такое!

Федор. Послушайте, какой-то
странный разговор... Что вам от нас
нужно?

Хозяин. Молодой человек, от вас
лично мне не нужно ничего! Еще
вопросы есть?

Федор. Вера, что ты с ним разговариваешь?

Вера. Я не разговариваю...

Хозяин. Вот именно!.. Она не разговаривает, успокойтесь! Это я разговариваю. Потому что я – хозяин квартиры и хочу кое-что знать! Ясно, молодой человек? Кстати, о вас я уже узнал все, и вы можете теперь пройти к себе.

Федор. Нет, я не понимаю, он таким тоном со мной – всерьез?..

Наташа. Федя! Иди к себе. Вера, и ты иди.

Хозяин. Нет, почему же... Как раз наоборот.

Наташа. Ребята, я прошу вас, уйдите! Ну, слышите вы?

Федор и Вера уходят в комнаты.

(Подходит ближе к сидящему Николаю Львовичу.) Простите, Николай Львович, но у воспитанных людей, коим вы, несомненно, являетесь, принято вставать перед женщиной...

Хозяин поднимается с дивана.

Послушай, Колян, ты, видно, начитался газетенок и решил, что шибко знаешь жизнь?

Хозяин. Не понял...

Наташа. Понимать ничего не надо. Просто запомни: девочки здесь не продаются. Поэтому только даром потеряешь время и наживешь неприятностей. Это понял?

Хозяин. Послушай, а ты-то, дура, понимаешь, что находишься сейчас в моем кровном доме?

Наташа. Нет, Коля. На сегодняшний день ты находишься в моем доме. И надо сказать, я жду не дождусь, когда ты его наконец покинешь.

Пауза.

Хозяин. Ну что ж... Это мне даже нравится.... ты знаешь, ведь я человек по натуре азартный... Нет,

это мне нравится, честное слово!

Наташа. Я рада, что мы с тобой нашли контакт.

Хозяин. Ой, погоди радоваться, погоди... Я так понимаю, ты у них вроде хозяйки?

Наташа. Ну точно, вроде этого.

Хозяин. А заодно еще блюдешь нравственность общины.

Наташа. И опять ты в корне прав.

Хозяин. А баба ты, видать, тертая.

Наташа. Не имею ничего добавить к сказанному и терпеливо жду, когда ты покинешь мой дом.

Хозяин. Молодец, молодец... Ты мне нравишься. Как тебя зовут?

Наташа. Хочешь в поминальник меня записать? Не стоит.

Хозяин. Хочу вырезать твое имя на камне собственного сердца

Наташа. Образ для меня слишком сложен, извини..

Хозяин. Ничего. Я поясню. Когда-нибудь.

Наташа. С милицией будешь выселять?

Хозяин. Что?.. Ну, от тебя я не ждал такого дешевого сбоя... Запомни: сукой я не был никогда. Ну вот. А вы пока живите... Плодитесь и размножайтесь, новые люди... Вы ведь новые люди, я правильно понял?

Наташа. Что до меня - я старая, Коля. И мне уже скучно, честное

СЛОВО.

Хозяин. Ухожу, ухожу, дорогая...
(Громко.) Вера!

Из комнаты появляются Вера и Федор.

Вера, я не прощаюсь!.. А с вами, молодой человек, не знаю, как ваше имя...

Федор. Мое имя Федор!

Хозяин. Не знаю, как ваше имя, но хочу напутствовать вас: будьте вежливы! Ничто не дается так дешево и не обходится так дорого, как вежливость... Особенно – со старшими. (Уходит.)

Пауза.

Наташа (устало садясь на диван).
Вера, неужели не слышишь – у тебя
на кухне что-то убежало...

Вера. Ой, это же бульон! (Уходит на
кухню.)

Федор. Наташа, что ему надо? О
чем вы с ним говорили?

Наташа. Ни о чем, Федя. Ни о чем
таком интересном мы не говорили.

Федор. Но ты расстроена, я же
вижу!

Наташа. Я просто устала, Федя.
Устала, вот и все. Ну что ты так
встревожился? Иди и занимайся. У

тебя ведь курсовая не сделана, ты говорил...

Федор. Ты со мной, как с маленьким.

Наташа. Ты большой, я знаю. Ты защитник. А самое главное тебе – защитить Веру.

Федор. От кого?

Наташа. От всего. И от всех. От жизни этой проклятой. Обещаешь мне?

Федор. Да ну тебя, опять ты несерьезно!

Наташа. Обещаешь или нет? Отвечай, быстро!

Федор. Эх, Наташа, ну почему я не Алеша...

Наташа. Что-что?.. Ой, ну ты и глупый, Федька!.. Ох, какой ты еще глупый... Ты не Алеша, потому, что ты - Федя!.. Понял? Только и всего!

Федор. А ведь ты права. Как-то мне раньше это в голову не пришло, а?

4

Поздно вечером того же дня. Кухня. Алексей за столом. Наташа у плиты.

Алексей. Ну можно же было как-то по-иному! Ведь это в самом деле редчайший случай... Снять нынче такую квартиру! Да еще без всякий рекомендаций! Да еще в центре. Да

еще за такую цену.

Наташа. А правда, н: слишком ли все хорошо, Алеша?

Алексей. Перестань, Наташа!
Только мистики нам сейчас не хватало...

Пауза.

Наташа. В конце концов он нас пока не выгнал.

Алексей. Сейчас не выгнал - потом выгонит! Вот дождется, когда похолоднее станет - и привет! Уж тебе ли о таких вещах не думать! Ведь мы с тобой - вечные бродяги!

Наташа. Вот именно! И раньше ты

никогда не боялся остаться на улице!

Алексей. Раньше было раньше! А теперь я за всех вас отвечаю. За всю нашу семью. И я не собираюсь всю эту зиму тратить на переезды. Я хочу, чтобы у ребят был дом. А дом – это значит постоянство.

Наташа. И тишина. Правильно?

Алексей. Да, и тишина.

Наташа. Но если он станет нам постоянно угрожать – разве у нас будет тишина?

Алексей. Наташа, он не станет угрожать! Я поговорю с ним. Найду слова. Которые, кстати, должна была найти ты.

Наташа. Алеша, милый, неужели мы с тобой будем продолжать этот

разговора? Мы с тобой!.. Знаешь, я слушаю нас со стороны, и мне кажется, что разговаривают продавцы универсама... Но ведь мы с тобой ничем не торгуем, Алеша...

Пауза.

Алексей. Ладно, ты права, что уж теперь... Завтра звонить ему буду. А ты-то сама почему не ешь?

Наташа. Нет аппетита. Лучше я на тебя посмотрю. (Присаживается к столу.)

Алексей. Так и быть, посмотри. (Ест.) Что нового-то? Федор в больнице был?

Наташа. Сказал, что никто не

обязан выносить за другим мочу.
По-моему, он там в обморок упал.
Завтра Вера туда пойдет. Она уже
бульон сварила.

Алексей. Что за чушь? Может, вы
что-то не поняли?

Наташа. К сожалению, поняли.

Алексей. Да нет, Вере нельзя. Вере
это все будет неловко.

Наташа. Тогда не знаю, что делать.

Алексей. Да нет, нет, неужели от
такой слабенький?

Входит Иван.

Наташа. Ну, вот и Ванюша наконец!

Что ты долго так?

Иван. Да я... В общем... Я после службы еще человека одного дожидался... Отца Артемия... Хотел в Киев съездить и на это у него благословение взять.

Алексей. Ну и что, взял?

Иван. Знаешь, в том-то и дело, что нет. «У тебя, говорит, в больнице подопечные, тебе не до паломничества, твоя служба здесь. Крест, говорит, взял? Ну и неси до конца, не спотыкайся»... Ладно, что ж...Значит, здесь я нужнее пока.

Наташа. Садись, поешь.

Иван (садясь за стол). Ну что, был Федя в больнице?

Наташа. Был, был...

Иван. Ну, конечно, больше не хочет?

Наташа. А ты откуда знаешь?

Иван. Так это же со всеми так! И у меня точно такое было. Я в первый раз вообще там сознание потерял. Ко всей этой крови ведь привыкнуть надо, понять, что она нужна.

Наташа. А она нужна?

Иван. А как же! Без крови человек – это уже мумия...

Алексей. Правильно, Ваня.

Иван. Ребята, все хочу спросить: а как вам квартира наша?

Алексей. А что квартира?

Иван. Да нет, я так, вообще... все-таки тяжелая она какая-то... Не

могу понять, в чем дело, но тяжелая.

Наташа. Слышишь, Алеша?

Алексей. Слышу. И что же вы мне предлагаете?

Иван. Да нет же, ты не обижайся. Сама по себе отличная квартира. Просторная, потолки высокие... А может быть, как-нибудь потихоньку обживем?

Алексей. Я очень на это надеюсь. Очень.

Входит Федор.

Федор. Наташа, бульон на завтра где?

Наташа. Вот в этой кастрюле.

Федор. Привет, Алеша.

Алексей кивает.

(Наташе.) Так ты мне его а банку налей. Я ведь к Сергею сразу после института, значит, и это придется с утра таскать.

Иван. Ну как он там, Федя?

Федор. А ты... Ты хоть бы предупредил, что там не человек, а скелет!

Иван. Понимаешь, если бы я предупредил, ты бы, наверное, уже

не пошел. Ведь не пошел бы, а?

Федор. Политики!.. Ладно, в банку бульон налейте и в холодильник поставьте, на верхнюю полку.
(Уходит.)

Алесей. Ну вот... Ну вот, а вы говорите!.. Все нормально, ребята.

5

Там же, следующий день. Холл пуст, из ванной доносится плеск воды и пение. Скрежещет ключ в замке входной двери. Дверь открывается. Появляется Николай Львович. Закрывает за собой дверь, кладет ключ в карман.

Хозяин. Хозяева! Хозяева!

Из ванной выходит Вера с мокрым бельем в руках.

Вера. Вы? Откуда?

Хозяин. Мне нужны Алексей или Федор.

Вера. Их нет.

Хозяин. Ну кто-нибудь... Кто-нибудь!

Вера. Никого нет., Я одна.

Хозяин. Ну!.. Вот видишь, Верочка, как точно я всех вас вычислил...

Вера. Вы что? Вам что нужно?

Хозяин. Самое главное – не бойся меня.

Вера. А почему я должна вас бояться?

Хозяин. Не должна! Конечно, не должна. Я твой самый искренний друг, верно? А ты, ты – моя подруга... (Скидывает пальто на пол.) Вера, я хочу тебе сказать... Только послушай, не перебивай старика... Послушай меня, Вера... Верочка, деточка, куколка моя маленькая... Ты знаешь, а ведь я влюблен... Я – влюблен! И догадайся, в кого?

Вера. Что вы говорите, Николай Львович? Как вы можете так? Я вам в дочери гожусь!

Хозяин. В дочери? Ну нет... Вот уж это никогда! В дочери ты мне никак не годишься... И мне такая дочь вообще не нужна, ясно? Потому что мне нужна такая... такая

любовница... Именно такая... Точь-в-точь такая, как ты... Такая телочка стройная... Кобылка... Гладенькая... Мягонькая... И я тебя так давно искал... (Идет на нее.) А самое главное – ты не бойся... Я же тебя озолочу, детка! Я могу это сделать, поверь... Я тебя в такие шкуры одену... Я тебе такую машинку куплю – чистенькую, беленькую... Как ты будешь за рулем смотреться!..

Вера (отступая). Вы что? Неужели вы серьезно? Да вы просто пьяны!

Хозяин. Это чуть-чуть, для сугрева... Но это не помешает, дурочка, нисколько не помешает!

Вера. Уйдите! Уйдите от меня!

Хозяин. Глупенькая, тебе же совсем нечего бояться! Я очень нежный, поверь... И я тебя люблю! Как я

тебя люблю, ты бы знала... Я буду тебя так ласкать... (Пытается ее обнять, но она вырывается.) Майн Готт, что за стан, что за перси... Нет, я больше не могу! Мое терпение иссякло! (Бросается к ней.)

Она сильно бьет его по лицу
бельем.

Ты что? Ты мне грубишь, детка?
Нет, не надо...

Вера. Я буду кричать... Помогите!..
Помогите!..

Хозяин. Кричи, кричи громче!.. Это так возбуждает... А стены здесь как

раз для того, чтобы в них кричали...
Ну, кричи же!..

Вера (глядя за спину Хозяину).
Алешенька!.. Как хорошо, что ты
пришел!

Хозяин резко оборачивается. Вера
вырывается от него и бросается к
своей комнате. Он,
сориентировавшись, бросается
следом. Она успевает закрыться.
Мы слышим, как она двигает
мебель. Он колотится в дверь.

Хозяин. Пусти меня! Слышишь,
Вера! Пусти сама, а то будет хуже!
(Пинает дверь ногой - она не
поддается. Пинает ее с разбега.)

Вера (из-за двери). Я выброшусь из окна! Ты слышишь? Выброшусь немедленно!

Хозяин. Что? Ах ты... Ну тогда держись, сволочь! (Страшно бьет в дверь ногой.)

Замок не выдерживает, но дверь еще не открывается до конца. Слышно, как Вера распахивает окно. Хозяин с усилием открывает дверь.

Вера. Еще шаг - и все! Ты видишь - еще шаг!

Хозяин (стоя на пороге комнаты). Послушай, ну что ты, дуручка... Зачем? Не надо... Спустишь на пол... Я же тебе не сделаю плохого... Ну

поверь мне...

Звонок в дверь.

Вера. Помогите!.. Помогите!..
Помоги-и-те!..

Хозяин (отступая). Тихо!.. Что ты
орешь, тварь! Кому ты вообще
нужна?

Снова звонок. Он идет к двери,
поднимает пальто, открывает дверь
ключом. Входит Иван.

Иван. Здравствуйте! Вы кто?

Хозяин, не отвечая, отодвигает Ивана и выходит.

Вера! Ты где, Вера?

Вера (из комнаты). Не могу... не могу! Господи, как страшно... Как страшно! Какие все звери... Какие звери!

Иван. Вера, что ты? (Идет к двери в комнату.) Что это, Вера? Что тут было? Он что, напал на тебя? Что он тебе сделал?

Вера выходит, прислоняется к Ивану.

Вера. Ванечка... Ванечка, как это

все... Невозможно так жить... Что же это за жизнь, Ваня? Что это за жизнь? Ведь нам ничего не нужно, кроме тишины... Только жить тихо – и все! Ну неужели это так много?

Иван. Что он тебе сделал?..

Вера. Ничего... Ничего... Да я бы лучше в окно! Пусть не жить, зато не видеть больше никогда!

Иван. Ну что ты... Что ты... Так не надо...

Вера. Не надо? А как надо?

Иван. Мы будем жить... Жить так, как хотим... (Гладит ее по голове.) Видишь, значит, правильно, что в Киев-то я не уехал... Значит, все правильно, все! А я еще сомневался вчера!

Вера. Одно и т же... У всех одно и то

же...

Иван. Не у всех, Вера... Не у всех...

Действие второе

6

Та же квартира спустя два дня.
Наташа, Федор и Иван укладывают

вещи.

Федор. А все-таки, я думаю, паниковать-то нам было никак нельзя. Подумаешь, великий мафиози Николай Львович! Да мы бы его вдвоем с Алексеем так проучили – он бы сюда навсегда дорогу забыл!

Наташа. Сомневаюсь. Здесь, кстати, его жилье.

Федор. Ну и что? Не хотите так – можем в милицию, в суд!

Наташа. Перестань... Ты все-таки очень многого не понимаешь, Федор.

Они работаю молча.

Иван. А как бы вы его учить стали, Федя?

Федор. А вот так! (Наносит несколько воображаемых ударов.)

Иван. Избили бы? И ты бы мог бить?

Федор. А что? Если на мою сестру нападают... И вообще, как это говорят? Добро должно быть с кулаками...

Наташа. Такого-то добра в нашей жизни хватает, Федя.

Иван. Добро с кулаками... Нет, я этого понять не могу. Если с кулаками добро, то зло тогда с чем? С пистолетом? Тогда и добрые должны пистолеты взять. А злые, глядишь, уже пушку тащат... Нет,

не понимаю.

Федор. Хорошо, а что вы, вы тогда предлагаете? Нас обижают, а мы убегаем?

Наташа. Уходим.

Федор. Убегаем! И все время так будем бегать! Потому что сволочей на наш век хватит, да и на следующий тоже! Но почему мы от них бежим? Почему это не они от нас убегают?.. Да если бы сейчас моя воля...

Наташа. Ребята! Давайте послушаем улицу.

Федор замолкает, будто споткнувшись, они в Иваном смотрят на Наташу.

А теперь послушаем дома... А
теперь – небо...

Пауза.

Из комнаты выходит Вера.

Вот и Верочка наша... Ты
выспалась?

Вера. Чем ты меня опять опоила
таким?

Наташа. Обычное снотворное.

Вера. А мне такие кошмары

снились, просто мерзость какая-то... Будто у меня зуб шатается, я беру – и пальцами его вытаскиваю... А оттуда кровь фонтаном и такая дикая боль...

Наташа. Да, от снотворного всегда что-нибудь снится такое.

Вера. А где Алеша?

Наташа. Пошел насчет машины с главврачом договариваться.

Вера. Насчет машины... Куда же мы теперь поедем?

Наташа. Плешин знакомый художник пока в мастерскую нас пускает.

Вера. И там тихо?

Наташа. Да, такая замечательная мастерская – просторная, светлая.

Кажется, даже крыша стеклянная, что-то в этом роде... А может, я путаю... В общем, места там много. Только иногда там немного прохладно, но это, в сущности, даже хорошо – хоть голова от жары не будет болеть...

Вера. А я сейчас лежала и слушала улицу, как Алеша нас учил. А потом стала небо слушать.

Федор. Ну, услышала что-нибудь?

Вера. Мне показалось, будто пел кто-то... А может, просто воображение... Наташа!

Наташа. Что миленькая?

Вера. А ведь ты мне рассказать обещала, помнишь?

Наташа. О чем?

Вера. Как твоя мама умирала, а ты с ней была в последнюю ночь.

Наташа. Ну что ты, не сейчас. Сейчас некогда об этом.

Вера. А ты коротко скажи.

Наташа. Нет, нет, не нужно.

Федор. Ну о чем вы, в самом деле? Что ты, Вера?

Вера. Да просто, я поняла, что умирать нисколько и не страшно.

Пауза.

Наташа. Почему ты так говоришь?

Вера. Просто. Знаю и все.

Наташа. Ничего ты не знаешь.
Страшно умирать, очень страшно.

Вера. А я поняла, что просто глупо бояться. Во-первых, кто ты среди всех этих людей, этих миллиардов? Козявочка, букашечка!.. Ну кончилась твоя жизнь – а кто заметил? Еще столько других остается, все-то сразу не умирают! А если тебе обидно все-таки – наоборот, подумай о других, о тех, кто уже умер... И вообще, вечного ничего нет, никого! Каждый умрет когда-нибудь – и мы тоже. Какой смысл бояться? Не понимаю!

Федор. Вот у меня Сергей – этот точно, молодцом держится! Говорит мне вчера: «Понимаешь, я не могу умереть. Не могу, потому что у меня двое детей от двух жен. В Питере дочь, а в Киеве сын». Есть в нем надежда. Хотя вчера ему как-то

похуже стало... Температура к вечеру поднялась...

Вера. Это ведь даже какой-то философ сказал: пока я есть – смерть мне не страшна. А когда меня не станет – бояться ее будет некому.

Наташа. Вера, ну что ты сегодня такая? Давайте-ка, сменим тему! Поближе к жизни. Вон еще сколько нам собирать осталось.

Федор. А вообще-то, мне уже пора. Сергей как раз с этого времени ждать меня начинает.

Наташа. Что ты ему понесешь сегодня?

Федор. Яблок куплю. Там овощной возле больницы. А вообще ест он плохо.

Наташа. А что врач? Ты с ним разговаривал?

Федор. Врач говорит: «Всегда стоит надеяться». Ладно, я пойду.

Вера. Но ты ведь не очень долго, Федя?

Федор. Не очень.

Вера. Приходи поскорей... А то как-то я по тебе уже и соскучилась, правда... Ведь мы последние дни совсем не видимся, а мы же все-таки родные... И сегодня что-то так мутно на душе...

Наташа. Это от снотворного, Ничего, пройдет.

Федор. Я не буду долго, Вера. А вы без меня не уедете?

Наташа. Нам без тебя никак нельзя.

Ты - наша опора.

Федор. Ну то-то! Поняли, наконец, что я не совсем плохой. (Уходит.)

Наташа и Иван увязывают вещи.
Вера сидит, задумавшись.

Наташа. Ваня, а что врачи говорят про этого Сережу?

Иван. Да что... Не выживет он.

Наташа. Неужели совсем нет надежды?

Молчание.

Так, может, не стоило тогда Федю впутывать в это дело? Ведь ты знаешь, он впечатлительный... А еще, не бай Бог, это при нем случится.

Иван. Я., признаться, когда об этом говорил, не про Федю думал. Я про Сережу, как ему умирать, как доживать последние минуты. Ты же сама говоришь, страшно.

Наташа. Конечно, страшно, но ведь Сережа этот нам никто, а Федор – близкий человек. Кого же надо раньше пожалеть?

Иван. Я думаю, того, кому хуже.

Наташа. Ну, тебя не собьешь... Вот ты бы тогда и взял этого Сережу под свою опеку.

Иван. Я так и хотел поначалу, да ведь у меня уже трое таких. Я к ним

и так по очереди хожу, а они обижаются, что редко. Вообще столько у нас одиноких... Иногда на людей смотришь и кажется – все одинокие. А еще ведь и детей в больнице совсем не водят. Даже если отец лежит или мать. Даже если они при смерти! Говорят, детям нельзя мучения показывать... Но я не понимаю – почему нельзя? Ведь они же должны учиться жалеть! Только не понарошку жалеть по ящичку там чебурашку какого-нибудь – они людей должны жалеть, тех, кто страдает. Но как ни узнают, что такое страдание, если его прятать? Я когда начал работать санитаром, когда меня Алеша привел туда в первый раз, я потом все думал об этом... И я понял, какая в этом мире самая большая ложь. Вернее, их две самых больших.

Вера (очнувшись). Ну, какая же?

Иван. Первая ложь – что в жизни ни страдания нет, ни смерти. Это такая подлая ложь... А человек вообще любит все страшное забыть, все тяжелое. И мы так и живем, будто ничего этого нет. Даже мысли не бывает, что вот у нас тело, и что тело это может гнить... Что мы умрем когда-нибудь. Да разве так можно жить трезвым людям? Придите в больницу, зайдите к смертнику в палату и поглядите!..

Пауза.

Вера. А вторая ложь какая?

Иван. Вторая?.. Вторая ложь еще

больше... Вторая ложь – что человек умирает насовсем. Умирает – и все. И его больше нет. И после него только пустота остается. Это ложь, наверное, еще хуже. Потому что она лишает надежды. Надежды и веры...

Наташа. Ты умненький, Ваня. Ведь тебе еще только семнадцать, а ты уже такой умненький... Я даже за тебя боюсь – а вдруг ты у нас в какого-нибудь гения вырастешь?

Входит Алексей.

Алексей. Без дела посиживаете, дети? А вот очень даже зря! Наоборот, надо быстро все допаковать и ждать машину.

Наташа. Ты договорился?

Алексей. Поближе к вечеру будет, где-то после семи.

Наташа. А с Крымковым без изменений?

Алексей. Да вот, уже и ключ от мастерской у меня. (Показывает ключ.) Большая комната, есть какие-то топчаны... Правда, кухни нет, но у него там плитка стоит за ширмами. В конце концов будем в столовую ходить – там диета через квартал, дешевая... В конце концов все можно решить, самое главное – месяц нас там точно никто не тронет, можно существовать вполне спокойно!

Наташа. Месяц?..

Алексей. А что?.. Да нет, это еще само малое!.. А может, он потом

недели на три в Ялту поедет...

Наташа. Целый месяц... Боже мой, целый месяц можно жить спокойно... И мы этому рады... Да что же это такое, правда, что же это?.. Разве мы уж совсем какие-то выродки?.. Тебе тридцатый год идет, у тебя одиннадцать профессий – и кому ты нужен, кому? Кому мы вообще нужны? Всю жизнь, как бродяги, идем куда-то, тащимся, волочимся!.. Да должно же, наконец, быть место, где можно просто лечь спать! Ну что ты так на меня смотришь?

Алексей. Не понимаю, на кого ты сердишься.

Наташа. Ни на кого! На жизнь, если хочешь, на судьбу!.. Ведь ты никому не делаешь зла, наоборот – за что же тебя так?.. Я не могу понять, не

могу – что тут за принцип? Почему одним дается, а другим нет? Что, есть признак на человеке, клеймо?

Алексей. Но ведь ты знаешь, что тут за принцип, мы с тобой не раз говорили... Дается тому, кто берет, вот и все.

Наташа. Вот и все, как я забыла... А мы снова на улице... Ибо мы не берем.

Пауза.

Алексей. Наташа, я сейчас в больницу, договорюсь о подмене на сегодняшний вечер. Ноя хочу сказать, что нынче эти разговоры как-то... Не ко времени, не кажется тебе?

Наташа. Но ведь это не ответ,
Алексей.

Алексей. Да что же я должен
ответить? Я не знаю! Ну да, я живу
как придется, у меня нет жилья. Но
ведь нельзя сказать, что у меня
ничего нет! Во-первых, вы у меня
есть, все вы! Потом – есть моя
работа...

Наташа. Санитаром...

Алексей. Ну да, санитаром, а что?

Наташа. Ничего.

Иван. Да это хорошая работа,
Наташа! Это очень хорошая работа!

Алексей. И потом, ты же сама
хотела тишины...

Наташа. А ты уже не хотел?

Алексей. И я. Мы все хотели. Так вот у Крымкова в мастерской как раз тишины этой – навалом! Можешь мне поверить, я ведь туда не в первый раз иду.

Пауза.

Наташа. Ты меня убедил, убедил... Мне нечего возразить. Да и желания нет.

Алексей. Не начать бы нам ссориться... Уж пусть бы нас лучше бьют и убивают, только бы не поддаться... Жизнь со всех сторон давит – мы и так как на дне морском. Тут бы только выстоять. А если и у нас разлад пойдет – конец...

Молчание.

Вера, а ты о чем задумалась?

Вера. Не знаю... Ни о чем... Так...
Пасмурно как-то.

Алексей. Там хорошо, у Крымкова в мастерской. Одно окно, зато огромное, во всю стену. И солнце как раз с утра бывает. К тому же парк рядом, в парке пруд, в пруду – домик деревянный зеленый, а в домике – черные лебеди живут, пара.

Наташа. Это летом. А осенью они улетаюТ в жаркие страны.

Алексей. Ничего. Будем ходить, смотреть на домик хотя бы. Пусть и

чужой, а все равно уютный. Нет, тот район мне больше нравится, определенно.

Молчание.

Ладно, пойду я. (Поворачивается, чтобы уйти.)

Наташа (бросившись к нему).
Леша!.. (Утыкается ему в плечо.) Ну прости меня... Прости... Маленько подкачала старуха, с резьбы сошла! Прости меня, братик... Ага?

Алексей. Ладно... (Обнимает ее.) Конечно, простил... Все понимаю и всех жалею... И вы все жалеете меня и всех, и все хорошо. И все

идет правильно. Правда. Это место действительно мрачноватое какое-то... Стены глухие, коридоры длинные... Будем переезжать. Ладно, ждите, час-другой и вернусь. (Уходит.)

Наташа подходит к Вере, приобнимает.

Наташа. Ну чего ты, чего ты?

Вера. Не знаю, знобит.

Наташа. Да у тебя жар, детка! Ты прямо как печка вся. Иди-ка в постель.

Вера. Просто зуб на зуб не попадает...

Наташа. Пойдем, моя маленькая, я тебя укутаю. (Уводит Веру в комнату, возвращается.) Ты знаешь, а она просто горит. Надо в аптеку сходить, Ваня.

Иван. Ну да, конечно. Где здесь ближайшая?

Наташа. Одну остановку проедешь на троллейбусе. Только учти, автобус поворачивает, на автобус нельзя садиться. Значит, остановка на троллейбусе и совсем немного вправо.

Иван. Я спрошу там.

Наташа. Купи жаропонижающее, надо ведь температуру сбить. И вообще, спроси, что еще будет. Да, горчичники купи и камфорное масло – я ее растереть попробую.

Иван. Горчичники и камфорное

масло... Все, понял. Как же мы ее повезем-то сегодня? Да еще в холодную комнату...

Наташа. Ой, не знаю я...

Иван. Ладно, я сейчас. (Одевается, идет к двери.)

Наташа. погоди! погоди-ка, Ваня. Нет, давай я сама съезжу. А ты с ней останься. Знаешь, мало ли что... Можешь пока рядом посидеть, рассказать ей что-нибудь... Я скоро, скоро!

Иван. Ладно, как скажешь...
Посижу с ней.

Наташа. Посиди, посиди, я сейчас. Одевается, подходит к двери.) Когда придет Федя, вы хоть чаю попейте. Вам сегодня еще наши пожитки грузить. А ты сейчас дай ей что-нибудь. Ну, молочка горячего...

Найдешь там, ладно?

Иван. Конечно, сейчас все сделаю.

Наташа выходит. Иван снимает пальто, закрывает дверь на ключ.

Вера. Ваня... Ваня!

Иван. Да, Вера, иду... (Уходит к ней в комнату.)

Пауза.

Открывается входная дверь. Входит Николай Львович.

Хозяин (кому-то позади) Ну что, Фомка? Скорее!

Входит крупный сутулый человек, осанкой напоминающий обезьяну. У него низкий лоб, выражение лица полуодиота.

Фомка (озирается) Т-твоя ха-ха....

Хозяин. Хата моя, успокойся. И все здесь мое. Значит, ты понял? Она сейчас одна. Поможешь мне держать, а я ее сделаю. Ты понял?

Фомка. П-п-п...

Хозяин. Ладно, не заикайся. Только все тихо, не спугнуть!

Они осторожно идут к двери в комнату Веры. Им остается несколько шагов, когда из комнаты выходит Иван. Изумленная пауза.

Послушай, это некстати... Мальчик, ты здесь некстати оказался. Ты здесь случился на свою голову... даю полминуты, чтобы ты испарился! Тебя здесь нет и не было никогда, понял? Ну? Быстро, а то мне жаль твоей юности!

Иван. Послушайте, да вы же люди! Вера больна, ей «скорую» надо – оставьте ее в покое! Ей вообще волноваться нельзя, поймите вы! Николай Львович, да вам же никуда не уйти – зачем вы так? Да это же грязно, подло! Так нельзя, так жить нельзя!

Фомка. С-слушай, давай и его

употребим сначала, а?

Хозяин. Молчи дурак. (Ивану.) Ты не слушаешь меня, мальчик?

Иван. Уйдите, уйдите от нас; Мы сегодня съедем – и живите тут, как хотите, а нас не смейте трогать, не смейте!..

Хозяин. Я последний раз прошу тебя, щенок...

Иван (громко). Уйдите! Сейчас придет Алексей! Федор придет! Вам никуда не деться, запомните, вы!

Хозяин (Фомке). А ну, успокой его.

Иван (кричит). Вера, спасайся! (Прикрывает собой дверь в ее комнату.) Вера, они опять пришли, слышишь?

Голос Веры. Федя! Феденька!

Фомка. М-мотри, я буду его делать!
Хух! (Бьет Ивана.)

Тот ударяется телом о дверь, но она уже заперта изнутри.

Хозяин. Не так сильно, debil!
Мокрухи не надо!

Иван. Не надо... Прошу вас... Вы же люди...

Фомка. Я его д-делаю... М-мотри...
Хух! (Бьет Ивана.)

Тот ударяется головой о косяк.
Медленно сползает по косяку на пол.

Ч-чего это он?.. (Наклоняется над Иваном.)

Хозяин. Я же говорил, не так сильно козел! Ну что он там?

Фомка. В-все... Я его сделал... Гад буду, с-сделал...

Хозяин. Что?.. (Отталкивает его.) Ты, дебил, дебил!.. Я же сказал, не так сильно!.. Ты что, вместо помощи устроил мне головную боль?.. (Бьет Фомку по лицу.)

Фомка. Ч-чего?..

Хозяин. Куда я теперь с ним? А? Куда?..

Фомка. Да я з-зарою...

Хозяин. Ух ты, животное... Дверь

мне открой! Быстро, а то опять не успею!..

Фомка. П-понял! (Бьет дверь ногой.)

Дверь распахивается,. Они быстро входят в комнату. Пауза.

Г-гляди-ка!..

Хозяин. Не трогай!.. Ничего не трогай!.. Выходи отсюда... Да скорей же!..

Они выходят.

Фомка. К-как же это она? Л-лезвием?

Хозяин. Да нам-то что? Какая
разница... Ну все... Ох, проклятье,
дернул черт! Что теперь делать?
Что делать? Попались, погибли!

Фомка. Тихо! Ч-чего ты?

Хозяин. Кончено! Все кончено!
Давай, по чердаку и в другой
подъезд, а?

Фомка. К-козел ты. Свидетелей-то
нет.

Пауза.

Хозяин. Свидетелей... Свидетелей
нет... А точно нет их, точно?

Фомка (наклонившись над Иваном)
К-кончил я его... Сделал.

Хозяин. Так... Так, погоди... Значит, дело было так... Мы пришли... Я ждал, когда они съедут – мне публичный дом не нужен, правильно?

Фомка. Н-ну!..

Хозяин. Вошли, а этот гад пытается к ней в комнату ворваться и изнасиловать! Так?..

Фомка. Т-точно!.. Изнасиловать!

Хозяин. Ты бросился защищать девушку, ударил этого подлеца, но не рассчитал силы... Верно?

Фомка. В-все верно, так было!

Хозяин. Он упал, мы взломали дверь – а она уже вены себе порезала! Так было, так?..

Фомка. Так!

Хозяин. Так и было! А вот теперь мы вызываем наряд!

Фомка. Ты что? Зачем?

Хозяин. Надо, debil! Мы с тобой честные граждане, девушку защищали... Нам милиции нечего бояться! (Открывает входную дверь, кричит на лестничную площадку.) Граждане! Товарищи! Девушку пытались изнасиловать! Девушка покончила с собой! Вызовите милицию, у кого телефон! Немедленно, товарищи!

Хлопанье дверей, голоса: «Что там?» – «Кто кричит?» – «Что случилось?»

Немедленно милицию! Произошло

несчастье! Зайдя в квартиру, я обнаружил... Девушку пытались изнасиловать! Девушка покончила с собой!

Голос Наташи. Вера! Вера!

Наташа (вбегая). Что? Что? Почему здесь... Это ты? (Наклоняется на Иваном, встает, быстро идет в комнату Веры.)

Пауза.

(Выходит из комнаты.) Ты... Ты... Ты отомстил, да? Ты мне отомстил?

Хозяин. О чем вы, я не понимаю?

Наташа. Убийца... Нет, ты не уйдешь (Хватает его, громко.)
Люди. Держите его! Здесь убийца!
Он убийца!

Хозяин. Вы помещались, гражданка! Я хозяин квартиры! Я здесь обнаружил!

Наташа. Держите его!

Хозяин. Я никуда не убегаю, никуда! А вы ответите, что устроили здесь бордель! Бродяги, живут без прописки! (В дверь.) Да скорей же, надо вызвать милицию!

Наташа (отступая от него). Ты... Ты вызываешь милицию?

Хозяин (тихо). И запомни, сука, мне ничего не будет. (В дверь.) Какое несчастье! Девушку пытались изнасиловать! Она покончила с собой!

Долгое время спустя. Просторная и пустая мастерская художника. Редкие вещи уютятся по м)периметру, в центре только стол да два-три стула. У окна на кушетке лежит Наташа. Входит Алексей.

Алексей. Привет... Ты что? Опять болит?

Молчание.

(Он проходит к столу, выкладывает

из сумки хлеб, сахар, чай.) Скоро, наверное, они придут. Ты пирог не испекла?

Наташа (поворачивается к нему и пристально на него смотрит). Я не испекла пирог.

Алексей. Плохо чувствовала себя?

Наташа. Плохо себя чувствовала.

Алексей. Неудобно получится.

Наташа. Что-что?..

Алексей. Неудобно...

Наташа (резко поднимаясь с кушетки). Неудобно? Это перед кем же неудобно? Перед Феденькой? За что? Ну скажи, скажи мне, за что мне перед ним должно быть неудобно? За то, что он в то время проявлял человеколюбие к зеку

какому-то, к фарцовщику?

Алексей. Да ведь Сергея уже освободили, Наташа...

Наташа. А, и поэтому я должна им пирог готовить?

Алексей. Но ведь сорок дней все-таки... Обычай такой...

Наташа. С каких это пор ты стал следовать обычаям? Ты же всегда был такой необычный, непохожий ни на кого!

Молчание.

Неужели ты все уже забыл? Сорок дней тебе хватило, чтобы выбросить из памяти? Какая память

короткая... Но надо заметить и удобная, а?

Молчание.

А я вот ничего не хочу забывать. И никогда не забуду. Пусть лучше я свихнусь н этом, но не забуду, не забуду...

Молчание.

И те звери, ублюдки – и их уже до суда из-под стражи освободили! Что же это будет за суд?! Ну скажи мне, скажи! Ведь их оправдают? Ведь ты тоже думаешь так, признайся!

Алексей. Бывает, что под стражу берут прямо на суде.

Наташа. Да что ты? Так бывает? Ну, ты меня утешил наконец! Значит, бывает, что убийц и насильников иногда судят? Так все-таки случается? Нет, ты меня абсолютно утешил! Намертво!

Пауза.

Алексей. Я буду добиваться... Всеми силами, чтобы они свое получили... Хотя бы в память о... Но ведь ты же знаешь, что в этом мире законов нет. А те, которые есть – против людей. Уж мы-то с тобой испытали это на собственной шкуре! Забыла ты, как меня в Орле хотели судить за убийство, как салазки мне гнули,

как уже четверых свидетелей
нашли на мое дело? Но ведь в том,
что вся власть бандитам – не я
виноват. Наташа...

Наташа. Успокойся, не ты.
Успокойся. (Отходит, садится на
кушетку.)

Алексей подходит к столу, берет
чай, сахар.

Алексей. А чай я все-таки заварю...
(Направляется в угол за ширмы, но
останавливается.) Я прошу тебя,
когда они придут... Я прошу тебя...

Наташа. Но я никому ничего не
должна. Никому!

Алексей (помолчав). Конечно...

Никому... (Уходит за ширмы.)

Наташа встает, достает из-под кушетки чемодан, открывает его. Замирает над ним в задумчивости. Раздается звонок в дверь. Она быстро задвигает чемодан под кушетку, отходит к окну. Звонок повторяется. Из-за ширмы выходит Алексей.

Алексей. Звонили?

Она не отвечает. Он идет открывать. Возвращается с Федором и Сергеем. Сергей худ, хромот, лицо в свежих шрамах.

Федор. Вот, пришли мы...

Алексей. Наташа, Федор и Сергей пришли.

Наташа медленно оборачивается, но не здоровается.

Федор. Ну вот, это тот самый Сергей, который... В общем, он как птица эта, которая из пепла...

Сергей. погоди, Федя... Наташа, Алексей, я сейчас же уйду!.. Но я только прошу – вы дайте мне несколько слов сказать, позвольте... Только две минуты, может быть... Если вы думаете, что я рад... Что я доволен... Я теперь своей жизни не рад, поверьте мне!.. Совсем не рад, что выжил!..

Федор. Ты что?

Сергей. Я Феде ничего не говорил, не хотел расстраивать... Федя такой человек... удивительный... Но я - я не рад и не рад! Ведь это же все из-за меня... Ваня и Вера из-за меня! Боже ты мой... Двое ребят, молодых из-за меня одного, да еще, к тому же, калеки вот такого! Если бы я только знал - я бы умер, умер бы накануне! Трубку бы из легкого вытащил, капельницу бы сорвал - перестал бы жить, и все, только бы они остались! Но я же ничего не знал... Я даже не мог поверить, когда Федя сказал...

Федор. Да о чем ты, Сергей?

Сергей. И потому я хочу сказать - я знаю, что вы меня не простите, я понимаю... Но только не надо Федю ненавидеть, прошу вас!.. Он-то не виноват ни в чем... Как он сидел возле меня... Да у меня никогда

таких друзей... Да что там, друзей - я ведь и не знал, что люди такие бывают! Ну, простите, ребята... честное слово, простите... (Поворачивается, чтобы уйти.)

Наташа (делает быстрое движение к нему). погоди, Сереж!

Он останавливается.

Погоди... Что же... Кто теперь виноват... И ты не виноват и Федя - за что нам вас ненавидеть! Ты и сам с того света пришел... У тебя ведь и дети есть?

Сергей. Двое.

Наташа. Ну вот видишь... А детям всегда нужен отец. И что калека -

это же только так, физически... И смерти твоей мы не желали, никогда не желали. А когда поняли, что хоть ты выживешь – даже немного легче стало... И у Феди тогда глаза ожили...

Сергей. Да, если бы не Федор... У меня даже часто бред такой был: я в болоте тону, грязь уже грудь сдавила, а Федя идет прямо по воздуху, над трясиной – и за руки меня оттуда вытаскивает... И вот, вытащил...

Федор. Я же говорю, ты из пепла, как птица...

Сергей. Да, у нас, у людей, это в крови: сжигают нас, убивают, а мы все живы и живы...

Наташа. Да, а мы все живы и живы...

Сергей. Нет, я понял за эти месяцы: ничего в жизни случайного не бывает, не может быть... И потому-то есть моя вина во всем этом...

Наташа. Ну, если ничего не бывает случайного – значит... В общем, все уже случилось. И Федя ведь в общежитие не из-за нас перешел, нет. Это его папа и мама настояли. Они ведь его и вовсе из института хотели забрать. Бедные они... Были у них сын и дочь...

Федор. Наташа! Прошу тебя, прошу тебя...

Наташа. Хорошо, хорошо... Ведь мы уже объяснились, уже обо всем сказали...

Пуза.

Алексей. Ребята, может, мы вместе посидим, да хоть чаю попьем?

Сергей. Чаю?... Так мы тогда...
Федя, давай что-нибудь вкусное купим... Ты проводи меня до магазина, а? Какие тут у вас магазины?

Федор. Да я и не знаю здесь ничего.

Сергей. Погоди, тут, кажется, кондитерский через дорогу...
Пойдем? Да мы быстро!

Федор. Ну что ж... Если хочешь...
Давай ходит... (Наташе и Алексею.) Мы вернемся сейчас...

Сергей. Мы быстро, мигом...

Они уходят.

Пауза.

Алексей подходит к Наташе, берет ее руку в свои. Она поднимает на него глаза. Он прикладывает ее руку к своей щеке.

Алексей. Сестра моя... Ведь сестра?

Наташа. Разве ты не знаешь... Как трудно, Алеша... Как страшно... Нет, даже не страшно... А так тяжело... Тяжко и непонятно... А Сережа этот... Знаешь, хорошо, что он выжил.

Алексей. Да, хорошо, сестра.

Наташа. Правда, хорошо, братик... Правда, хорошо!

Занавес.

1988